

Л. Рубен

На правах рукописи

ФРАНГУЛЯН Лилия Рубеновна

**ИСТОКИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОСНОВНЫХ
ЖАНРОВ КОПТСКОЙ АГИОГРАФИИ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ О МУЧЕНИКАХ)**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(литература Азии)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

15 янв 2015

005557287

Москва – 2014

Работа выполнена в Отделе истории и культуры Древнего Востока
Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт
востоковедения Российской академии наук.

Научный руководитель: **СМАГИНА Евгения Борисовна**, кандидат филологических наук,
доцент, Учебно-научный Центр египтологии им. В. С. Голенищева,
доцент, Свято-Филаретовский богословский институт, старший
научный сотрудник, ФГБУН Институт востоковедения РАН

Официальные оппоненты: **АФИНОГЕНОВ Дмитрий Евгеньевич**, доктор филологических
наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт всеобщей
истории РАН

ВОЙТЕНКО Антон Анатольевич, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник, ФГБУН Центр египтологических
исследований РАН

Ведущая организация: **ЧОУ Русская христианская гуманитарная академия**

Защита состоится 17 февраля 2015 г. в 15 часов на заседании Диссертационного
совета Д 002.209.01 по филологическим наукам на базе Федерального
государственного бюджетного учреждения науки Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН, по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБУН Институт
мировой литературы им. А. М. Горького РАН:

<http://imli.ru/dissertation/defense/Prinyaty-k-zashite/Frangulyan-Lilija-Rubenovna/>

Автореферат опубликован на сайте ВАК «14» декабря 2014 г.:

<http://vak2.ed.gov.ru/catalogue/details/182387>

Автореферат розслан « ____ » _____ 2014 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
к. ф. н.

Журбина Анна Викторовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В ходе данного диссертационного исследования анализируются коптские тексты, посвященные мученикам. Все они относятся к агиографии — определенному виду религиозной литературы. Сам термин «агиография» имеет двойное значение. Под ним понимается, во-первых, совокупность литературных памятников, посвященных святым или святыням, во-вторых, научная дисциплина, занимающаяся ее изучением. Поскольку объект нашего рассмотрения — одна из христианских литературных традиций, а именно традиция Египта, то понятие агиографии мы можем сузить до того раздела христианской литературы, который объединяет «жизнеописания христианских подвижников, причисленных Церковью к лику святых, чудеса, видения, похвальные слова, сказания об обретении и о перенесении мощей»¹.

Что касается агиографии на коптском языке, то ее самые ранние тексты, дошедшие до нас, представляют собой переводы с греческого языка и относятся к IV в., а возможно, и раньше. Оригинальные памятники начинают появляться в V в., последнее же агиографическое произведение на коптском языке — это «Мученичество Иоанна Фаниджойтского» начала XIII в. Начиная с X в. коптские авторы создавали произведения и на арабском языке, который в этот период вытеснил коптский не только на официальном, но и на бытовом уровне.

Среди всех жанров общехристианской традиции первостепенное место занимают мученичества (греч. *μάρτυρία*, лат. *martyrium*). С развитием агиографии мученикам посвящают также энкомии (греч. *ἐγκώμιον*, лат. *encomium*) и сборники чудес. Особенность коптской агиографии состоит в том, что в ней можно выделить своеобразные сборники-циклы текстов, объединенные общими сюжетами или упоминаемыми персонажами. Таким

¹ *Афиногенов Д. Е., Руди Т. Р. и др. Житийная литература // Православная энциклопедия (далее: ПЭ). — М., 2000. — Т. 19. — С. 283–345, здесь: с. 283.*

образом, все эти разножанровые тексты представляют собой единый комплекс памятников, который заслуживает особого изучения.

Предмет данного исследования составляют жанровая и стилистическая специфика произведений в честь мучеников на коптском языке, их истоки и взаимосвязь с другими традициями, трансформация² жанров, авторские интенции, вложенные в эти тексты, и отражение в них исторических реалий.

В качестве **объекта исследования** выбраны тексты, главным герой которых — мученик древней Церкви, один из самых почитаемых святых в коптской традиции. Все памятники дошли до нас в кодексах IX–XI вв.³, которые предназначались для церквей и монастырей, находящихся в отдалении от крупных центров.

Ввиду обширности корпуса анализируемых текстов и труднодоступности ряда памятников мы ограничились таким числом текстов, которое, с одной стороны, позволяет остаться в рамках диссертационного исследования, а с другой стороны, сделать обобщающие выводы. Таким образом, **материал исследования** состоит из 31 произведения (20 озаглавлены как «мученичество», 11 — как «энкомий»).

Хронологические рамки исследования ограничиваются временем создания анализируемых произведений, и если перечисленные энкомии исследователи относят к VII–VIII вв., то датировка мученичеств до сих пор вызывает споры в научной среде. Трудности датировки связаны, прежде всего, с тем, что в этих сочинениях нет никакой достоверной исторической информации, которая позволяла бы соотнести их с определенным периодом. Как мы уже отмечали, почти все они дошли в рукописях IX–XI вв., это *terminus ante quem*. С.-А. Нагиб признает мученичества результатом

² Под трансформацией мы понимаем изменения в композиции, сюжетах, мотивах и стилистике, которые обусловлены определенными процессами, отвечают целям авторов и становятся причинами появления новых смыслов.

³ Некоторые представлены в кодексах XII–XIII вв.

литературной деятельности IX–XI вв.⁴, видимо, исходя из датировки рукописей. Т. Баумайстер считает, что эти тексты появились в первой половине V–VI вв.⁵ Г. ван ден Берг-Онстведдер выражает согласие с предположением Баумайстера⁶. Однако надо отметить, что никаких оснований для такой датировки не приводится.

Т. Орланди и А. Папаконстантину попытались датировать рассматриваемые *martyria* по косвенным признакам, т.е. по историческому и литературному контексту. Первый ученый утверждает, что исследуемые памятники по стилистике похожи на произведения, которые писались при патриархе Дамиане (569–605). Однако, по его мнению, в этот период не было причин для широкого распространения таких текстов; это плоды деятельности более поздней, после арабского завоевания (середина VII — середина VIII вв.)⁷, которая, несомненно, частично основывалась на уже существующих памятниках. А. Папаконстантину еще более конкретизирует период: по ее мнению, расцвет циклов, скорее всего, приходится не ранее чем на вторую четверть VIII в. Она связывает это с ухудшением положения «неверных» в исламском государстве. Например, подушный налог, который ранее брался с поселений в целом, в конце VII — начале VIII вв. стал индивидуальным, и всё чаще стало происходить вероотступничество. Во второй половине VIII в. тексты в честь «новых» мучеников от рук арабов появились в Сирии и Палестине. Всё это позволяет А. Папаконстантину сделать вывод, что такой новый виток в мусульманско-христианских

⁴ *Naguib S.-A.* The Martyr as Witness Coptic and Copto-Arabic Hagiographies as Mediators of Religious Memory // *Numen*. — Leiden, 1994. — Vol. 41. — № 3. — P. 223–254, здесь: p. 226.

⁵ *Baumeister Th.* Martyr Invictus: der Martyrer als Sinnbild der Erlösung in der Legende und im Kult der frühen koptischen Kirche. — Münster, 1972. — P. 72–73.

⁶ *Berg-Onstwedder G., van den.* Diocletian in the Coptic tradition // *Bulletin de la Société d'Archéologie Copte*. — 1990. — № 29. — P. 87–122, здесь: p. 88, not. 5.

⁷ *Orlandi T.* Coptic literature // *The roots of Egyptian Christianity*. — Philadelphia, 1986. — P. 51–81, здесь: p. 78.

отношениях способствовал расцвету жанра *marturia* в Египте как образца героического поведения для паствы⁸.

Для нас не так очевидна связь между изменениями в жизни христиан в халифате и расцветом мученичеств. Внимание коптов к древним мученикам проявляется на фоне отсутствия новых. Правда, в синаксаре есть сведения о монахе Мине, который вступил в спор с мусульманами и был убит⁹. Это произошло в начале арабского правления, и других произведений в честь этого святого не засвидетельствовано. Знакомство же с текстами о «новых» сирийских и палестинских мучениках подтверждает относительную терпимость по отношению к христианам в халифате, так как некоторые «новые» мученики — это византийские военнопленные, другие же были казнены не собственно за исповедание христианства, а за нападки на ислам и пророка Мухаммада¹⁰. На данном этапе мы будем придерживаться более общей датировки коптских текстов — VII–VIII вв.

Понятно, что во многих случаях без работы компилятора не обошлось, но в общем и целом мы принимаем за данность, что эти тексты даже в обработке компиляторов доносят до нас сведения о своей эпохе (пусть и не столь подробные) и о поэтике коптской агиографии, потому что IX–XI вв. характеризует не творческая потенция авторов, но систематизация и кодификация имеющихся текстов.

Степень изученности темы. Известный коптолог Т. Орланди в одной своей статье написал, что разработанность коптской литературы находится на уровне, на котором классическая филология была в пятнадцатом веке¹¹. Хотя с написания этой статьи и прошло более 30 лет, но, по замечанию

⁸ *Papaconstantinou A. Hagiography in Coptic // Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography / Ed. S. Efthymiadis. — Aldershot; Burlington (VT), 2011. — Vol. 1: Periods and Places. — P. 323–344, здесь: p. 334.*

⁹ *Le Synaxaire arabe jacobite (Mois de Toubeh et d'Amchir) / Éd. R. Basset // Patrologia Orientalis. — Т. 11. — P. 505–859, здесь: p. 831–832.*

¹⁰ *Панченко К. А. Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия 1516–1831. — М., 2012. — С. 31.*

¹¹ *Orlandi T. The Future of Studies in Coptic Biblical and Ecclesiastical Literature // The Future of Coptic Studies / Ed. R. Wilson. — Leiden, 1978. — P. 143–163, здесь: p. 143.*

коптолога С. Эммеля, несмотря на сдвиги в лучшую сторону, в целом ситуация к нынешнему моменту мало изменилась¹².

Памятники коптской литературы привлекают многих исследователей, однако ее всеобъемлющая история до сих пор не написана, читатель может найти лишь краткую периодизацию и сведения об авторах, справочные по своему характеру. Интерес к коптской агиографии был положен работой Э. Амелино, который, основываясь на копто-арабском синаксаре, больше всего внимания уделяет идентификации топонимов и первым отмечает схожий характер многих мученичеств¹³. Позднее Э. Де Лэйси О'Лири, исходя из синаксарных заметок и отдельных текстов, предоставил краткие биографии святых, известных в Коптской Церкви¹⁴. Эти работы были посвящены не столько агиографии как литературе, сколько систематизации знаний о святых.

Среди общих работ по коптской агиографии можно выделить обзорные статьи Т. Орланди¹⁵, самую подробную на сегодняшний день, и А. В. Муравьева¹⁶. В статье А. Папаконстантину кратко рассматриваются основные этапы развития агиографических жанров (жития и мученичества)¹⁷. Обобщающие сведения и возможные пути изучения памятников сообщаются во введениях к изданиям текстов. Среди самых крупных издателей и переводчиков можно выделить И. Балестри, А. Иверна, Э. А. У. Баджа, В. Тилля, Т. Орланди. Следует отметить, что многие памятники до сих пор не опубликованы.

¹² *Emmel S. Coptic literature in the Byzantine and early Islamic world // Egypt in the Byzantine World, 300–700 / Ed. R. Bagnall. — Cambridge, 2007. — P. 83–102, здесь: p. 85.*

¹³ *Amélineau E. C. Actes des martyrs de l'église copte. — Paris, 1890.*

¹⁴ *De Lacy O'Leary E. The Saints of Egypt. — London, 1937.*

¹⁵ *Orlandi T. Hagiography, Coptic // The Coptic Encyclopedia (далее: CE) / Ed. Aziz S. Atiya. — NY, 1991. — Vol. 4. — P. 1191–1197.*

¹⁶ *Муравьев А. В. Житийная литература. Коптская // ПЭ. — 2008. — Т. 19. — С. 291–292. Также среди отечественных исследований отметим следующие труды: Тураев Б. А. Коптская литература // Литература Востока. — Пб., 1920. — С. 70–81; Еланская А. И. Коптская литература // История всемирной литературы: В 8 т. — М., 1984. — Т. 2. — С. 360–364.*

¹⁷ *Papaconstantinou. Hagiography in Coptic.*

Помимо упоминания о коптских *martyria* и *epistomia* в общих трудах, необходимо выделить более конкретные работы, связанные с литературоведческой проблематикой. И. Делез в труде «Мученики Египта» первым попытался проанализировать коптские мученичества как литературные произведения¹⁸. Он привел сведения о египетских мучениках из различных источников («Церковная история» Евсевия Кесарийского, Мартиролог псевдо-Иеронима, греческий и коптский синаксарь), дал пересказ нескольких произведений в качестве примера и уже ближе к концу рассмотрел художественные особенности, объединяющие тексты. Положения этого исследования И. Делез не бесспорны, но оно по праву носит название фундаментального. Помимо прочего в нем выделяются основные коптские циклы. Спустя время их анализом занялся Т. Орланди, которому удалось уточнить круг текстов каждого цикла, выявить их особенности и расширить список самих циклов в коптской литературе¹⁹.

Т. Баумайстер изучил коптские *martyria*, сосредоточившись на сюжетах и мотивах, которые отражают египетский менталитет²⁰. Используемый им термин «*koptischer Konsens*» (досл. «коптское согласие») до сих пор используется учеными в отношении памятников, которые отличаются наличием древнеегипетских рудиментов. Исследование Г. ван ден Берг-Онстведдер включает в себя общий анализ композиции мученичеств, который, впрочем, не был первостепенной задачей, но был составлен для отображения образа Диоклетиана в текстах²¹.

¹⁸ *Delehaye H. Les Martyrs de l'Égypte // Analecta bollandiana. — Brussels, 1923. — Т. 40. — P. 5–154.*

¹⁹ *Orlandi. Coptic literature; idem. Hagiography, Coptic; и др.*

²⁰ *Baumeister. Op. cit. P. Кокэн в своей рецензии на эту книгу пишет, что она скорее будет интересна не тем, кто занимается христианской агнографией, а историкам религии (Coquin R. G. Baumeister Th. Martyr Invictus: der Martyrer als Sinnbild der Erlösung in der Legende und im Kult der frühen koptischen Kirche. Münster: Regensburg 1972 // Revue de l'histoire des religions. — 1977. — Vol. 191. — № 2. — P. 213–214, здесь: p. 213).*

²¹ *Berg-Onstwedder. Op. cit.*

Труд Э. Галтье носит неоднородный характер²². Наряду с изданием новых арабских фрагментов разных произведений и их историко-литературным анализом, он исследовал христианские рассказы о святых, которые нашли отражение в мусульманской традиции, составил генеалогическое древо св. Виктора в коптской агиографии и рассмотрел библейские и агиографические сюжеты, которые стали «populaire» в среде коптов, а позднее и арабов. Э. Винштедт заинтересовался блоком произведений, сложившимся вокруг св. Василида, отметил ряд повторяющихся сюжетов и такую особенность, как дружеские и родственные отношения между персонажами²³. Он составил генеалогию семейства св. Василида, куда входил и св. Виктор.

Наконец, многие анализируемые тексты исследовались (а чаще просто упоминались) по отдельности без интеграции в литературный контекст и в основном в связи с тем или иным автором²⁴. Среди работ российских ученых мы можем выделить статьи С. Л. Брысиной, где в общих словах характеризуется специфика циклов²⁵, и А. А. Рогожиной, которая сосредоточилась на анализе «Мученичества св. Филофея Антиохийского»²⁶.

Научная новизна и актуальность. На базе всего вышесказанного очевидно, что рассматриваемый нами блок памятников пока не получил должного освещения ни в литературоведческом, ни в других аспектах. Вследствие этого его комплексный анализ с точки зрения жанровых и стилистических особенностей не только будет продолжением деятельности предшествующих ученых, но и заполнит пробел в научных знаниях о специфике коптской агиографии VII–VIII вв.

²² *Galtier E. Contribution à l'étude de la littérature arabo-copte // Bulletin de l'institut français d'archéologie orientale. — 1905. — Vol. 4. — P. 105–221.*

²³ *Coptic Texts on Saint Theodore the General, Saint Theodore the Eastern, Chamoul and Justus / Ed., transl. E. O. Winstedt. — London; Oxford, 1910.*

²⁴ Например, см.: *Orlandi T. Celestinus of Rome // CE. — Vol. 2. — P. 475–476; Orlandi T. Theodosius of Jerusalem // CE. — Vol. 7. — P. 2242.*

²⁵ *Брысиная С. Л. Псевдо-Еводий и проблема циклов в коптской литературе // Литературные традиции христианского Египта. — М., 2008. — С. 88–117.*

²⁶ *Рогожина А. А. Коптские фрагменты «Мученичества св. Филофея Антиохийского» из собрания Британского музея // Там же. С. 9–21.*

Полученные выводы, с одной стороны, будут способствовать более углубленному изучению предмета и решению проблем, связанных с бытованием рассматриваемых текстов в коптской литературе, с другой, лягут в основу исследования более широких тем таких, как, например, средневековая агиография Востока. Кроме того, в последнее время литературоведческий анализ агиографических произведений стал всё больше привлекать ученых, в то время как ранее чаще использовали историко-критический подход²⁷. Таким образом, и наше исследование, наряду с другими²⁸, учитывает современные тенденции в изучении агиографии.

Главная цель исследования состоит в комплексном анализе корпуса коптских текстов VII–VIII вв. в честь древних мучеников, включающем литературоведческое и историко-культурологическое исследование.

Для достижения этой цели в диссертации поставлены следующие **основные исследовательские задачи**:

1. вписать исследуемый материал, определив его истоки, в исторический и литературный контекст;
2. выявить особенности поэтики анализируемых памятников на уровне композиции, сюжетов, персонажей, общих мест;
3. сравнить сюжеты и мотивы с похожими в других жанрах коптской литературы и в других традициях;
4. провести историко-культурологический анализ отдельного ряда персонажей, сюжетов и мотивов;
5. попытаться более точно определить время и условия создания текстов.

Теоретический и методологический фундамент. Начало научному изучению агиографии положил Ж. Болланд (1596–1665 гг.), основатель

²⁷ Например, см.: *Efthymiadis St.* New Developments in Hagiography: The Rediscovery of Byzantine Hagiography // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies (London, 2006). — Aldershot, 2006. — Vol. 1: Plenary Papers / Ed. E. Jeffreys. — P. 157–171 (переизд. в: idem. *Hagiography in Byzantium: Literature, Social History and Cult.* — Aldershot, 2011).

²⁸ Например, см.: *Моисеева С. А.* Арабская мелькитская агиография IX–XI веков: жанровая и стилистическая характеристика [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. — М., 2012.

ученого Общества болландистов. Ж. Болланд первым стал предвирать каждый издаваемый текст историческими комментариями и сведениями об авторстве, историей переводов и т.д., т.е. анализировал его критически, насколько позволял уровень развития научной мысли в XVII в.

Исторический метод широко применялся русскими учеными. В. О. Ключевский (1841–1911 гг.) в 1871 г. издал труд²⁹, в котором изучил жития на предмет содержащегося в них исторического материала. В. Г. Васильевский (1838–1899 гг.) на протяжении нескольких лет издавал жития святых со вступительными статьями и комментариями³⁰. В ходе критического анализа агиографических текстов он выявил достоверные факты, в них содержащиеся, демонстрируя свое мастерство историка-аналитика. Его ученик Х. М. Лопарев (1862–1918 гг.), используя тот же метод, исследовал византийские жития VII–IX вв.³¹

Болландисту И. Делез (1859–1941 гг.) удалось сформулировать новый критический подход в изучении агиографии. Главное, что волновало И. Делез, было становление культа святого и исторические метаморфозы, сопутствующие генезису этого почитания. Этот исследователь попытался составить литературную классификацию мученичеств, разделив их на эпические и исторические³². Авторы последних достаточно достоверно передают канву исторических событий, в то время как в первых текстах единственное, что соответствует реальности — это имя святого, место захоронения (почитания) и дата смерти (памяти). В литературном отношении эпические произведения отличает шаблонность: от текста к тексту меняются

²⁹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник: Исследование. — М., 1871.

³⁰ Например, см.: Житие Георгия Амастридского / Пер., комм.: В. Г. Васильевский // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1878. — Вып. 195/2. — С. 277–306; Вып. 196/2. — С. 128–181; Житие Иоанна Готского / Пер., комм.: В. Г. Васильевский // Там же. 1878. — Вып. 195/2. — С. 86–154; Житие Стефана Нового / Пер., комм.: В. Г. Васильевский // Там же. 1877. — Вып. 191/2. — С. 283–329.

³¹ Лопарев Х. М. Греческие жития святых VII–IX веков. Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной. — Пб., 1914.

³² Delehaye H. Les passions des martyrs et des genres littéraires. — Bruxelles, 1921.

лишь личные имена и обстоятельства, а основная структура неизменна. Хотя И. Делез и приводит набор общих мест, характерных для эпических мученичеств, но ясно, что он кладет в основу классификации нелитературный критерий достоверности, отказывая филологическому анализу этих произведений в самостоятельном значении.

Культурологический аспект в изучении мученичеств и житий успешно разрабатывал в своем фундаментальном труде А. П. Рудаков (1886–1940 гг.)³³. Он анализировал агиографические памятники как материал, позволяющий выявить бытовые детали и описать реалии, современные жизни авторов.

Своеобразным развитием культурологического метода может быть назван подход М. ван Эсбрука (1934–2003 гг.). Из его исследований явствует, что для него герои и события в агиографических текстах выражают определенные идеи, становясь своего рода знаками, и такие памятники должны признаваться достоверными в смысле адекватного выражения тех идей и представлений, носителями которых были конкретные люди на момент конкретной исторической ситуации³⁴.

Историко-критический и культурологический подходы в изучении агиографии долгое время преобладали и, несомненно, содержательны и результативны. Литературоведческий анализ стал входить в обиход лишь со второй половины XX в. Например, значительное место агиографии уделено в обзорных исследованиях Д. С. Лихачева, А. П. Каждана, а также в многочисленных публикациях Л. Ридена. Очевидно, что для полноценного анализа нам необходимо опираться на работы, в которых представлены обобщения агиографического материала. Таковы, например, сборник общих

---

³³ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. — М., 1917 (перизд.: СПб., 1997).

³⁴ Например, см.: *Esbroeck M., van. Le saint comme symbole // The Byzantine Saint. University of Birmingham XIV Spring Symposium of Byzantine Studies / Ed. S. Hackel. — London, 1981. — P. 128–140.*

мест житий VII–XI веков, изданный Т. Пратчем³⁵, статья Р. Бойера, в которой дана композиция средневекового жития в честь мученика³⁶. Упомянутый выше Х. М. Лопарев составил схему похвальных житий VII–IX веков³⁷.

Необходимо отметить, что литературная сторона рассматриваемых текстов вызывает много нареканий, поэтому ее всесторонний анализ до сих пор не был выполнен. Сам И. Делез называет анализируемые им произведения «*cette misérable littérature*»³⁸. Исследователи Э. Рэймонд и Д. Барнс говорят об абсурдности текстов, о перенасыщенности чудесами и о неадекватном поведении героев³⁹. Д. Белл согласен с таким определением и добавляет, что прочесть одно произведение — всё равно, что прочесть двадцать⁴⁰. Но если к литературе, отделенной от исследователя многими веками и принадлежащей другой культуре, применяются мерки современной литературы, то первая бывает неверно оценена. Это препятствует тому, чтобы такой материал оказался в центре исследования.

Итак, в научной среде выработаны разные методы для анализа агиографии. Использование лишь одного из них не позволяет рассмотреть произведения глубже, понять, что скрывается за их написанием, найти ответы на те или иные вопросы. Здесь необходим многоплановый подход. На его незаменимость при исследовании любого текста указывает современная дискурсивная (коммуникативная, функциональная) лингвистика. В ее основе лежит теория коммуникативных ситуаций. Коммуникативная ситуация (или дискурс) — это совокупность условий, определяющих акт коммуникации и проявляющихся, в конечном счете, в вербальном тексте. Другими словами,

³⁵ Pratsch T. Der hagiographische Topos: Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. — Berlin; New York, 2005 (Millennium-Studien; 6).

³⁶ Boyer R. An attempt to define the typology of Medieval Hagiography // Hagiography and Medieval Literature: A symposium / Ed. H. Bekker-Nielsen, P. Foote, J. H. Jorgensen, T. Nyberg. — Odense, 1981. — P. 27–36.

³⁷ Лопарев. Цит. соч. С. 16–36.

³⁸ «Эта жалкая литература» (*Deleuze*. Les Martyrs de l'Égypte... — P. 148).

³⁹ Barns, Reymonds. Introduction. P. 2. Однако они отмечают их важность для историков (*Ibid.* P. 7).

⁴⁰ Bell N. D. Introduction to the historical background // Mena of Nikiou: The Life of Isaac of Alexandria and the Martyrdom of Saint Macrobios / Transl., introd., comm. N. D. Bell. — Kalamazoo, 1988. — P. 103–118, здесь: p. 104.

это любой контекст использования языка говорящим или пишущим для адекватного (т. е. нужного автору) восприятия слушающими или читающими⁴¹. Такой подход к агиографии отстаивает В. М. Лурье, так как, по его мнению, она за время своего существования выработала особый язык, который необходимо изучать в динамике⁴².

Нам кажется целесообразным в **методологическом отношении** использовать комплексный подход, включающий следующие методы:

1. сравнительно-литературный метод, эффективный для выявления особенностей, характеризующих поэтику текстов VII–VIII вв. о древних мучениках в коптской агиографии — этот метод мы выделяем как основной;
2. историко-культурологический метод, позволяющий видеть в текстах материал для исследования эпохи и мировоззрения коптов того времени.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что к рассматриваемым агиографическим произведениям, ранее в совокупности не анализировавшимся из-за их стереотипной формы и стандартного содержания, был применен комплексный подход, позволяющий отразить их особенности в литературоведческом и историко-культурологическом аспектах и определить цели их написания. Это позволило получить целостное представление о последнем плодотворном этапе генезиса коптской агиографии и таким образом осветить одну из важных страниц в истории коптской литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Как показывает анализ исторического и литературного контекстов, арабское завоевание Египта и начальный период мусульманского владычества (середина VII–VIII в.) не

⁴¹ *Вдовиченко А. В.* Дискурс-текст-слово. — М., 2002. — С. 136–140.

⁴² В этом исследователе следует за взглядами М. ван Эсбрука (*Лурье В. М.* Из Иерусалима в Аксум через храм Соломона: архаические предания о Сионе и Ковчеге Завета в составе Кебра Негест и их трансляция через Константинополь // *Христианский Восток.* — 2000. — Т. 2 (8). — С. 137–207, здесь: с. 149–150).

получили ожидаемого отражения в коптской агиографии этого времени, бóльшая часть которой формирует псевдоисторическую реальность первых веков по Р. Х.

2. Отличительной чертой коптской агиографии VII–VIII вв. является массовое создание текстов о древних мучениках в четырех жанрах: мученичества, энкомии, жития и сборники чудес. Тексты, которые относятся к последним трем жанрам, подписаны общим заголовком «энкомий», исходя не из жанровой принадлежности, а из выполняемой текстом функции (чтение с амвона). Различие между этими четырьмя жанрами лежит в области композиции, авторства, риторических отступлений, роли определенных персонажей и характере чудес. Большинство же памятников входят в циклы и имеют интертекстуальную связь.
3. С точки зрения литературного канона рассматриваемые мученичества, с одной стороны, типичны, с другой, в рамках шаблона сюжеты и мотивы в них многолики. Ряд эпизодов восходит к древнеегипетским верованиям и коптской апокрифической традиции. Кроме того, помимо распространенных элементов *martyria* в них присутствуют черты монашеской и романической литератур.
4. Энкомии, жития мучеников и сборники посмертных чудес написаны в русле средневековой христианской традиции, но имеют свои особенности: энкомий основывается не на восхвалении мученического подвига, но на описании житийных перипетий; в энкомиях и житиях мучеников почти полностью отсутствуют прижизненные чудеса. В посмертных чудесах преобладают увлекательные истории с отрицательным примером, в которых за какое-либо преступление человек наказывается. При этом святой как персонаж никак не

участвует в событиях и появляется лишь в конце истории, исцеляя, помогая, вразумляя.

5. Невысокий художественный уровень текстов говорит о том, что они были рассчитаны на непритязательного читателя, а занимательность и разнообразие в подаче сюжетов были призваны облегчить восприятие назидательности.
6. Наличие таких черт, как родственные и дружеские отношения между героями, появление мучеников как главных персонажей в одних текстах и второстепенных или эпизодических в других, употребление общих сюжетов и мотивов, легенда о Диоклетиане-предателе позволяют сделать вывод о том, что копты в VII–VIII вв. выстроили для читателя обширный и цельный мир «полюбившихся» персонажей и сюжетов со своими героями и антагонистами.
7. Отмеченная специфика памятников позволяет отнести их широкое распространение к относительно спокойному периоду после арабского завоевания до второй четверти VIII в. и считать основной причиной их написания желание сплотить паству и избежать возможной ассимиляции.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в ходе подготовки учебных пособий и монографий по истории коптской литературы, шире — по средневековой агиографии, по изучению литератур Востока, а также для анализа исторической и культурной ситуации в Египте в VII–VIII вв. Кроме того, результаты исследований могут быть применены при разработке лекционных курсов и спецсеминаров.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась в Отделе истории и культуры Востока ФГБУН ИВ РАН. На Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) (секция «История и литература христианского

Востока») были сделаны доклады, отражающие проблематику исследования (2012 г.: Жанровые и содержательные особенности энкомия в коптской литературе периода циклов (VII–VIII вв.); 2013 г.: К проблеме методологических принципов при изучении коптских циклов; 2014 г.: Образ императора Диоклетиана в коптской литературе). Результаты исследования использовались в учебном процессе на кафедре восточно-христианской филологии и восточных Церквей ПСТГУ по следующим дисциплинам: «Перевод текстов древних христианских авторов с восточного языка», «Библейские переводы на восточные языки христианского Востока», «Перевод текстов древнехристианских авторов (коптский язык)», «История зарубежной литературы (восточно-христианской)».

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников (110 наименований) и литературы (189 книг и статей, из них 116 на иностранных языках). В качестве приложения даны переводы с коптского языка на русский «Энкомия св. Виктору» Феопемпа Антиохийского и небольшого отрывка из «Энкомия св. Виктору» Целестина Римского. Общее количество страниц в диссертации — 236.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении формулируются основные цели и задачи исследования, обозначаются предмет и объект анализа, его хронологические рамки, определяются степень изученности темы, новизна и актуальность исследования, описывается теоретическая и методологическая база и каким образом происходила апробация работы.

Глава 1 «Исторический и литературный контекст» посвящена событиям церковной истории, происходившим в Египте, генезису агиографии в целом и коптской — в частности. В первом разделе основными вехами, отразившимися на Коптской Церкви, представлены принятие

христианства, отделение коптов-монофизитов от дифизитов после IV Вселенского Собора и, наконец, арабское завоевание. Особый акцент сделан на взаимоотношениях христиан и мусульман, на политической и религиозной обстановке в халифате. В начале правления арабы были лояльны к своим подданным. Переломным моментом можно считать первую треть VIII в., когда социально-политическая ситуация ухудшилась, и с одобрения правителей начался процесс наступления ислама на позиции христианства и сопутствующей ему арабизации египтян.

Во втором разделе рассматривается традиционалистский, или нормативный, тип художественного сознания, так как в рамках него творили средневековые агиографы. В его основе лежит категория канона, в которой разные исследователи выделяют свои значимые стороны. Следуя образцам прошлого, автор воспроизводил общие места других произведений. Именно от уровня его подготовки и таланта зависело, будет ли агиограф слепо следовать канону, или же воспользуется правом на свободу, которая выражалась в возможности пользоваться незапрещенными сочетаниями традиционных топосов. Такие агиографические жанры, как мученичество, житие и энкомий, анализируются нами с точки зрения становления их канонов. Также упомянуты сборники чудес.

Что касается изучаемой литературной традиции, то в первой главе ей посвящен третий раздел. Прежде всего приводятся этапы развития коптской агиографии. К ним относится первоначальный период переводов, нижнюю границу которого точно определить невозможно; далее — переводы литературно обработанных текстов и написание житий египетских монахов (IV–V вв., до IV Вселенского Собора); третий этап выражается в дальнейшем развитии оригинальной агиографии и в переводах творений монофизитов. После арабского завоевания основная линия агиографии состоит в формировании и распространении коптских циклов. Наконец, за последним пятым этапом, который связан с переписыванием и объединением имеющихся текстов в синаксарные сборники в IX–XI вв., следует упадок,

вызванный переходом коптов на арабский язык.

В связи с широким распространением *martyria* была составлена общая классификация текстов этого жанра на основе содержания конфликта. Нами было выделено четыре его типа: 1. исповедание христианства перед иноверцами; 2. противоборство разных течений внутри христианства; 3. вероотступничество в христианство и 4. конфликт, в основе которого лежат причины нерелигиозного характера. Частная классификация непосредственно коптских текстов помогла определить отличие изучаемой традиции — абсолютное преобладание среди главных героев мучеников древней Церкви, погибших от руки правителя-язычника (первый тип конфликта), наличие одного текста, в котором в роли гонителя выступает мусульманин (третий тип конфликта), полное отсутствие мученичеств, в которых реализованы второй и четвертый типы конфликта.

Так как многие рассматриваемые тексты входят в циклы, то затем обсуждается своеобразие таких сборников. Не все ученые признают коптское авторство циклов, считая их переводами с греческого языка. Мы же выражаем согласие с Т. Орланди и его последователями, и считаем, что эти произведения принадлежат перу коптов: ряд литературных особенностей циклов и обращение к историческому контексту позволяют так утверждать. Что касается классификации циклов, то Т. Орланди выделяет два их типа: агиографические (6 циклов), которые включают в себя мученичества, и гомилетические (6 циклов), в которых основным жанром выступает проповедь (или слово) о каком-либо событии, святом, храме и т.д. Здесь же обсуждаются проблемы такой классификации, например, для состава одних циклов (и даже в составе одного цикла — для разных текстов) более важны сюжеты, для других — персонажи, для третьих — темы.

Среди всех циклов Т. Орланди считает самым ранним древнеантиохийский, мученики которого родом из Антиохии. Связь Египта и Сирии и их патриархатов на протяжении веков была крепкой. Скорее всего, этот цикл, направленный на сближение с антиохийской кафедрой на фоне

отдаления от греческой, появился при патриархе Дамиане (569–605), когда коптские авторы стали писать тексты для нужд церковной жизни. Затем на основе древнеантиохийского сборника появились другие.

Вопрос псевдоэпиграфии стоит остро для циклов. Для наглядности она классифицируется следующим образом: имена почитаемых греческих отцов, неизвестные епископы Сирийской и Коптской Церквей, имена, засвидетельствованные в других, не коптских источниках, но которые соотнести с настоящими прототипами невозможно. Благодаря «личному свидетельству» этих псевдо-авторов об описываемых событиях, упоминанию предшественников на кафедре и установлению связей между персонажами настоящие авторы повышали в глазах читателя достоверность передаваемых сведений, большинство из которых псевдоисторичны.

Глава 2 «Общая поэтика и композиция текстов VII–VIII вв. о древних мучениках» состоит из двух разделов, один посвящен особенностям мученичества, другой — текстов, озаглавленных как «энкомии». В первом разделе рассматриваются элементы *martyria*, распространенные в коптских произведениях: эдикт, знакомство с мучеником, гонители, диалоги с гонителями, обвинение в магии, пытки и все сюжеты и мотивы, с ними связанные, мученичества других персонажей, молитвы, явления небесных сил и Бога, предсказание о мученической кончине, завет мученику, чудеса, чередование смерти и воскрешения, смерть, посмертная встреча души, перенесение мощей. Некоторые из них имеют связь с древнеегипетскими верованиями (чередование смерти и воскрешения), другие восходят к апокрифической литературе (завет мученику). Коптские особенности засвидетельствованы для таких элементов, как эдикт и явления Христа.

Далее анализируются те характеристики, которые сближают коптские *martyria* с античными романами. Они проявляются в парных главных героях, многоперсонажности, в приводимой дословной переписке персонажей, в чередовании смерти и воскрешения как самого серьезного испытания, в

перемещении персонажей, в сюжетах, выходящих за рамки *martyria*, и в насыщенности повествования событиями. Последняя характеристика свойственна всем текстам. Очевидно, что в памятниках преобладает развлекательная функция, направленная на удержание внимания читателя. Однако говорить о прямом влиянии античного романа на анализируемые мученичества не приходится, назвать их агнографическими романами также невозможно.

Риторическими прикрасами мученичества не изобилуют. Только в молитвах и речах положительных персонажей авторы используют риторические приемы: хайретизмы, синкрисис и др. В одном тексте, в «Мученичестве Паэсе и Феклы», засвидетельствовано описание небесных палат, которое должно было поразить читателя необычностью зданий и предметов.

Авторский подход к изображению описываемых событий отличается в коптских актах Коллуфа, «Мученичестве Псоте» (конец IV в.), «Мученичестве Джооре» (V в.) и в блоке рассматриваемых текстов. В древней Церкви осуждались те, кто сам шел в руки мучителей. Для автора актов, жившего приблизительно в то же время, что и мученики, было важно изложить ход допроса и не исказить факты. Его герой спокоен и не бросает вызов гонителю. Постепенно авторы разворачивают конфликт всё более эпично, так, как они видят его развитие сквозь призму времени. В наших текстах мученик стремится к получению венца и ведет себя дерзко. Таким образом, произошла трансформация конфликта. Агнограф VII–VIII вв. ставит себе целью передать не историческую ситуацию, но саму атмосферу гонений, при этом творит он в то время, когда канон *martyria* уже устоялся.

Во втором разделе этой главы исследуются разножанровые тексты (энкомий, житие, сборник чудес), подписанные единым заголовком «энкомий». Фиксирует это раннюю или позднюю традицию, не ясно. Возможно, их заголовки отражали не жанровую принадлежность, но выполняемую проповедническую функцию. Это позволяет предположить,

что тексты, несмотря на их невысокие литературные достоинства, как изучались самостоятельно, так и прочитывались за богослужением.

В композиции энкомиев и житий выделяется 6 элементов, свойственных этим жанрам: упоминание родителей святого (в отличие от большинства коптских мученичеств здесь они участвуют в развитии сюжета); детство и отрочество святого (в «Энкомии св. Виктору» Феопемп Антиохийский повествует только об этом периоде жизни мученика); события из взрослой жизни (в «Энкомии св. Димитрию Александрийскому» Флавиана Эфесского вся история посвящена тому, как св. Мартирия пыталась крестить своих детей); чудотворение (при этом число прижизненных чудес мало); мученичество (изложено кратко по сравнению с жанром *martyria*); посмертные чудеса. Очевидно, что энкомий посвящен не восхвалению мученического подвига, но сближается с *vita* в описаниях жизненных ситуаций.

В некоторых текстах этих двух жанров за кончиной мученика следует ряд посмертных чудес, но так как они по своим художественным особенностям не отличаются от таковых из сборников чудес — в них сюжет выходит на первый план, а персонажи второстепенны — поэтому они были проанализированы как единый тип сюжета. В ходе их рассмотрения стало очевидно следующее: в коптских чудесах преобладает описание отрицательного примера, в котором человек наказывается за какое-либо прегрешение (неисполнение обета, пренебрежение молитвой и посещением храма, немилосердие к ближним, стяжательство, воровство, торговля как занятие священнослужителя), вразумляется и получает помощь от святого.

Энкомии, жития и сборники чудес с точки зрения литературных прикрас отличаются от мученичеств наличием отступлений по ходу повествования. Отступления могут содержать славословие мученику или наставление слушателю. Основной же риторический прием, к которому прибегают авторы, — это параллельные синтаксические конструкции. Как было показано выше, композиция энкомиев и житий схожа, их различие

выявляется лишь при анализе риторических отступлений. В ряде текстов их почти нет, на этом основании мы отделяем жития от энкомиев, подчеркивая условность такого разделения.

Если сравнивать коптские похвальные слова с творениями известных отцов Церкви, то у последних риторика, сплетаясь с фактами, выливалась в единое отточенное произведение, приносящее эстетическое удовольствие читателю. Этого уровня коптским авторам достичь не удалось, слог их не торжественен, а риторические отступления блоками врезаются в общее повествование.

Последняя Глава 3 «Значимые образы, мотивы и персонажи» посвящена частным особенностям. Открывается она исследованием специфики главных персонажей. Хотя средой возникновения рассматриваемых произведений считаются монашеские общины, но написаны они не в честь монахов. Это можно объяснить тенденцией пресекать их посмертное почитание, сложившейся еще при Антонии Великом и Пахомии, так как причисление подвизающегося аскета ко святым не вытекает из его земного подвига, в то время как святость мученика неоспорима.

Сосредоточенность именно на таком персонаже свидетельствует о том, что копты пытались сплотить свою паству вокруг героя прошлого, который был символом, с одной стороны, победы христианства, с другой стороны, величия Коптской Церкви, так как египтяне действительно отличились особой стойкостью во время гонений. Это давало возможность авторам VII–VIII вв. укрепить в народе веру в древность и значительность своей Церкви. Таким образом, широкое распространение текстов о древних мучениках отражает первую попытку в борьбе против ассимиляции, которая, скорее всего, относится к периоду до начала притеснений христиан в халифате.

В этом же первом разделе третьей главы анализируется образ Диоклетиана. Сначала приводятся примеры того, как копты изображали иноземных правителей в своих произведениях. Затем рассматривается

легенда, которая сложились в коптской традиции вокруг египетского пастуха Агриппида, ставшего императором Диоклетианом. Здесь и родословная римского императора, берущая начало на берегах Нила, и проблема иноземного владычества (копт на римском троне), и предательство веры, так как Диоклетиан изначально был христианином, но затем перешел в язычество и тем самым стал для Коптской Церкви своим Иудой Искариотом, и предательство родины, которую он бросил ради славы и богатства. Соотношение сведений, содержащихся в трудах Лактанция, Евсевия Кесарийского и Иоанна Никиусского, с биографией Диоклетиана-Агриппида показывает, что коптские агиографы адаптируют факты из других источников в зависимости от своих целей. То, о чем у историков сказано кратко или не сказано вовсе, они дополняют своим агиографическим материалом, вымышленным или принадлежавшим местному преданию.

После изучения главных героев и главного гонителя уделяется внимание биографии главного помощника мучеников, Юлия Акфахского, с чьим именем связан одноименный цикл, и той деятельности, которая ему приписывается. Во всех текстах он — второстепенный герой, который помогает заключенным христианам, заботится о мощах мучеников и собирает вместе со своими слугами сведения о святых. Сам Юлий Акфахский почитается в лике мучеников. Хотя он, скорее всего, вымышленный персонаж, однако в истории известны его возможные прототипы, на которые могли ориентироваться авторы циклов.

В следующем разделе представлен ряд сюжетов, связанных с определенными реалиями того времени. Например, с такой практикой, как дарение ребенка монастырю. В сборнике чудес в честь св. Виктора (Целестина Римского) засвидетельствован пример того, как родители отказались выполнить обет и отдать ребенка в дар, за что были наказаны святым. Дароношение описывается не только в агиографических текстах, но и в документах эпохи: например, из монастыря Фойбаммона, который был расположен в Фивах и процветал после арабского завоевания, до нас дошли

документы VIII в., часть которых представляет собой дарение монастырю ребенка. Очевидно, что коптские авторы пытались стимулировать паству делать такие приношения, что, видимо, было выгодно и монастырям, которые, хотя были мощными христианскими центрами, но экономически зависели от арабских властей, и родителям, особенно из бедных слоев населения. Кроме того, в этом разделе собраны все упоминания о налоговом бремени, которые, впрочем, малочисленны.

Коптские агиографы также касались в своих произведениях тем, связанных с выстраиванием религиозной картины мира. Им посвящен третий раздел. Достаточно часто в текстах говорится о мире мертвых. Египтяне-христиане описывали ад даже подробнее, чем древнеегипетские авторы — загробный мир. На основании всех упоминаний можно сделать вывод, что копты видели такое развитие событий после смерти: встреча с ангелами и демонами, переход огненной реки, судилище. Все эти элементы общехристианские, но не без коптского колорита. Почти все примеры в анализируемых произведениях касаются грешников, особо наглядны описания страданий в преисподней. Они схожи с так называемыми «сошествиями во ад», распространенными в апокалиптической литературе. И в них, и в наших памятниках именно очевидец рассказывает о внутреннем устройстве ада. Для полноты картины приводятся примеры из монашеской житийной литературы, из «Изречений египетских отцов» и др. Такой же сюжет, как разговор с черепом, впоследствии обретает популярность в мусульманской литературе.

Хотя рассматриваемые тексты не отличаются глубокими богословскими размышлениями, однако в них поднимаются серьезные проблемы: присутствие зла в мире, обоснование мученического подвига, тема бренности всего сущего. Авторы затрагивают и такие два важных аспекта христианской жизни как крещение и иконопочитание, но не разрабатывают их, а приводят занимательные сюжеты с ними. Также обращает на себя внимание тот факт, что в текстах никак не упоминается

истинность монофизитского учения, которого придерживалась Коптская Церковь. Это еще раз свидетельствует в пользу позднего расцвета циклов, когда этот вопрос уже не был среди главных для коптов.

Заканчивается третья глава отражением того взгляда на христианский мир, который коптские авторы пытались сформировать у читателей. Обильно политая кровью мучеников земля Египта, происходившие здесь мученичества, как египтян, так и иноземных святых, большое количество мощей, обращение к их святым в других странах — всё это подчеркивает исключительность христианского Египта. Однако то, что в анализируемых текстах встречаются отрицательные герои-копты, происхождение которых можно было бы и не упоминать, свидетельствует об уверенности коптов в истинности их Церкви, но не в собственной значительности.

В заключении представлены выводы, основанные на анализе рассмотренных агиографических текстов, и отмечены возможные пути дальнейшего исследования.

Результаты данного исследования позволяют сделать следующие заключения. Коптские авторы создали литературный мир, наполненный ложной атрибуцией, вымышленными персонажами и событиями, в некоторых из них, однако, звучит отголосок тех или иных исторически засвидетельствованных фактов. Главным героем VII–VIII вв. становится мученик древней Церкви, хотя это никак не обусловлено ни исторической ситуацией, ни генезисом коптской литературы. Такой выбор был продиктован, с одной стороны, его знаковостью: этот персонаж олицетворял негибимость и твердость христиан. С другой стороны, благодаря этому утверждалась древность и истинность Коптской Церкви.

Соответственно, главенствующим жанром выступало мученичество. Кроме него в честь мучеников писали энкомии, жития и сборники посмертных чудес. В ходе исследования было выделено несколько пунктов, по которым можно различить все четыре жанра. Влияние греческой литературы неоспоримо, но представляется возможным говорить об

особенностях местной традиции в топики и стилистике.

Родина коптов — Египет — воспринимается авторами в русле своей традиции, а именно как центр всей христианской ойкумены. Этому способствует и символическое значение ряда элементов, и псевдоэпиграфия. Благодаря ей у читателя складывалось ощущение, что святых, широко почитаемых в Египте, чтут и по всему христианскому миру. Поэтому главное тут — не имя вымышленного автора, а скорее епархия — Антиохийская, Эфесская, Иерусалимская или епархии городов Малой Азии.

Несмотря на то, что монастыри — место появления текстов, однако созданы они для духовного развлечения паствы и представляют собой часть «народной литературы». Об этом говорит их невысокий художественный уровень, разнообразие в подаче материала, динамичность развития событий, многоперсонажность, «романические» черты. Всё это было направлено на то, чтобы сделать тексты более занимательными. В то же время авторы пытались вложить в читателя определенные идеи: как человек должен вести себя при жизни, что ждет его после смерти.

Все вышеперечисленные особенности анализируемых текстов позволяют считать временем их появления середину VII — первую четверть VIII вв., период, который отличает относительно спокойная жизнь христиан в халифате, не омраченная еще никакими притеснениями. Одной из главных целей написания этих произведений можно назвать предотвращение ассимиляции коптов-христиан при новом мусульманском владычестве.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК:

1. Франгулян Л. Р. Специфика коптских энкомиев периода циклов (VII–VIII вв.) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. — 2012. — Вып. 3 (29). — С. 46–56;
2. Франгулян Л. Р. Место агиографических циклов (VII–VIII вв.) в коптской литературе // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. — 2013. — Вып. 5 (35). — С. 86–96;
3. Франгулян Л. Р. Древнеегипетские рудименты в коптской литературе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2014. — № 1. — С. 90–96;
4. Энкомий св. Виктору Феопемпа Антиохийского / Введ., пер., комм.: Л. Р. Франгулян // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. — 2014. — Вып. 5 (40). — С. 178–188.

Научные статьи и материалы, опубликованные в других изданиях:

1. Франгулян Л. Р. Мученичество как литературный жанр и его особенности // Сборник студенческих научных работ ПСТГУ. — М., 2008. — С. 83–94;
2. Франгулян Л. Р. Клавдий, мч. Антиохийский // Православная энциклопедия. — М., 2014. — Т. 35. — С. 223–224.
3. Моисеева С. А., Франгулян Л. Р. Колуф, мч. Египетский // Православная энциклопедия. — М., 2014. — Т. 36. — С. 492–495.

Подписано в печать: 14.12.2014

Объем: 1,13 п.л.

Тираж: 100 экз. Заказ № 436

Отпечатано в типографии «Реглет»

119526, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 39

(495) 363-78-90; www.reglet.ru